В V в. до н.э. во многих городах Греции на смену политической власти старинной аристократии и тирании пришла власть рабовладельческой демократии. Возникали новые выборные учреждения – народные собрания и суды, что породило потребность в подготовке людей, владеющих искусством политического и судебного красноречия, силой убедительного устного слова и логической доказательностью своих суждений. В этих новых условиях на смену философам и поэтам начали приходить оплачиваемые профессиональные учителя [1].

Древнегреческий термин «софистэс» трактовался как знаток, мастер, художник, мудрец [2]. Они учили искусству побеждать противника в спорах по вопросам философии. Важно подчеркнуть, что для софистов интерес представляли социальные вопросы, человек и проблемы коммуникации, ораторское искусство и политическая деятельность, а также конкретно-научные и философские знания. Среди них были и те, кто обучал приемам и формам убеждения и доказательства независимо от вопроса об истинности доказываемых положений, прибегая даже к нелепым ходам мысли. В своем стремлении к убедительности софисты доходили до идеи, согласно которой можно, а нередко и нужно доказать все, что угодно, и также опровергнуть в зависимости от собственного интереса и складывавшихся обстоятельств. Это приводило к безразличному отношению к истинности в доказательствах и опровержениях. Таким образом создавались приемы мышления, получившие название софистики.

По выражению Гегеля, софисты были первыми греческими просветителями, энциклопедистами-педагогами [3]. При этом историю софистики принято разделять на два периода, первый из них связан с деятельностью «старших софистов», а второй – «младших» [4, с. 208, 211]. Старшие софисты (Протагор, Горгий, Гиппий, Продик, Антифонт) исследовали проблемы политики, этики, государства, права, языкознания. Между тем прежние принципы они подвергали сомнению, все истины объявляли относительными. Релятивизм, перенесенный в теорию познания, привел их представителей к отрицанию объективной истины. Младшие софисты занимали позицию равенства всех людей, в частности, Алкидамант считал, что «бог сделал всех свободными, природа никого не сделала рабом», Антифонт отрицал различие между эллинами и варварами и не признавал преимуществ знатного происхождения.

Существовала также «вторая софистика» периода Римской империи II–IV вв., расцвет которой пришелся на время правления Юлиана Отступника, покровительствующего софистам. Однако произведения сторонников «второй софистики», стремившихся к изысканности и совершенству речи, были скорее литературными, чем философскими. Ко вторым софистам относятся Флавий Филострат (ок. 178 – ок. 248), написавший «Жизнеописание софистов», Атеней (III в. н.э.), автор сочинения «Софисты за пиршественным столом» и др. Новое движение удостоилось благоволения императоров, которые начиная с Адриана до IV в. покровительствовали риторическим занятиям, оказывая представителям риторики почет и материальную поддержку, содействовали распространению софистики путем открытия в разных городах империи платных кафедр красноречия.

Изучением природы софисты почти не занимались. Но они первыми стали различать законы природы как нечто незыблемое и законы общества, возникающие по человеческому установлению.

Многие софисты сомневались в существовании богов или даже отрицали это, считая их человеческой выдумкой. Софистика по своей природе антидогматична, а любая религия строится на догмах. Софисты сыграли важную роль в разрушении традиционных религиозных догм.

Софисты первыми обратили внимание на то, что язык является семантически открытой системой [5]. Человеческий язык многозначен, смысл того или иного слова порой можно понять только из контекста его использования. И от того, как произнести слово, во многом зависит то, что мы под ним подразумеваем. К тому же образность языка, его метафоричность, синонимия давали возможность доказывать желаемое или необходимое.

В своей деятельности софисты широко использовали софизмы и логические парадоксы. Софизмы строятся на том, что в рассуждении незаметно подменяются понятия, отождествляются разные вещи или же, наоборот, различаются тождественные объекты.

Различают следующие виды софизмов:

а) софизм «учетверение термина» – силлогическое умозаключение, в котором нарушено правило простого категорического силлогизма: в каждом силлогизме должно быть только три термина. Умышленно ошибочное рассуждение строится с использованием нетождественных, но внешне

сходных понятий, например: «Вор не желает приобрести ничего дурного. Приобретение хорошего есть дело хорошее. Следовательно, вор желает хорошего»;

б) софизм недозволенного процесса – силлогистическое умозаключение, в котором нарушено правило простого категорического силлогизма, а именно термин, не распределенный (не взятый во всем объеме) в одной из посылок, не может быть распределен (взят во всем объеме) в заключении: «Все птицы имеют крылья – некоторые яйцекладущие имеют крылья»;

От софизмов следует отличать логические парадоксы (греч. paradoxos – неожиданный, странный). Парадокс в широком смысле есть нечто необычное и удивительное, то, что расходится с привычными ожиданиями, здравым смыслом и жизненным опытом. Логический парадокс содержит в себе ситуацию, когда два противоречащих суждения не только являются одновременно истинными (что невозможно в силу логических законов противоречия и исключенного третьего), но и вытекают друг из друга, друг друга обусловливают. Если софизм – это всегда какая-либо уловка, преднамеренная логическая ошибка, которую в любом случае можно обнаружить, разоблачить и устранить, то парадокс представляет собой неразрешимую ситуацию, своего рода мыслительный тупик, «камень преткновения» в логике: за всю ее историю было предложено множество разнообразных способов преодоления и устранения парадоксов, однако ни один из них до сих пор не является исчерпывающим, окончательным и общепризнанным.

Наиболее известный логический парадокс – это парадокс «лжеца». Часто его называют «королем логических парадоксов». Анализ такого элементарного и бесхитростного на первый взгляд высказывания приводит к удивительному результату. Как известно, любое высказывание (в том числе и вышеприведенное) может быть истинным или ложным. Рассмотрим последовательно оба случая, в одном из которых высказывание: «Я лжец» – является истинным, а в другом – ложным.

– Допустим, что фраза: «Я лжец» – истинна, т.е. человек, который произнес ее, сказал правду, но в этом случае он действительно лжец, следовательно, произнеся данную фразу, он солгал.

– Допустим, что фраза: «Я лжец» – ложна, т.е. человек, который произнес ее, солгал, но в этом случае он не лжец, а правдолюб, следовательно, произнеся данную фразу, он сказал правду. Получается нечто удивительное и даже невозможное: если человек сказал правду, то он солгал; а если он солгал, то он сказал правду (два противоречащих суждения не только одновременно истинны, но и вытекают друг из друга).

Парадокс «лжеца» вместе с другими подобными им парадоксами также называют антиномиями (греч. antinomia – противоречие в законе, противозаконие – то, чего не должно быть, но тем не менее имеет место), т.е. рассуждениями, в которых доказывается, что два высказывания, отрицающие друг друга, вытекают одно из другого. Считается, что антиномии выражают наиболее резкую форму парадоксов. Однако довольно часто термины «логический парадокс» и «антиномия» рассматриваются в качестве синонимов.

Хотя многие критики часто характеризуют дело софистов как «блеск формы и нищету содержания», следует иметь в виду тот факт, что риторический аспект софистики отнюдь не является пустым рассуждением. Софистов часто упрекают в том, что они равнодушны к жизненным проблемам граждан и что их учения носят несколько отвлеченный характер. Однако подобная «отвлеченность» необходима для глобальных обобщений, более искусного и логически верного решения практических задач. Якобы пустые, «беспредметные» рассуждения софистов, приложенные к какой-либо реальной проблеме, обретают вполне понятный смысл и становятся как бы двигателем этой проблемы, т.е. софистика в сочетании с действительностью уже представляет собой некий активный организм. Софистика словно оформляет практику, определенным образом дополняет ее. Подводя итог вышеизложенному, можно привести высказывание исследователя Б. Чернышева, в представлении которого дело софистов «заключалась в том, что они оформили практику и возвели ее в теорию, в логос» [6].

Литература

1. Спиркин А.Г. Философия. М., 2004.
2. Мананникова Е.Н. Философия. М., 2007.

3. Романов Ю.И., Сандулов Ю.А. Краткая история философской мысли. СПб., 2001. Сер.: Мир культуры, истории и философии.
4. Большая советская энциклопедия. М., 1976. Т. 24. Кн. 1.
5. Курбатов В.И. История философии: Конспект. Ростов н/Д, 1997.
6. Чернышев Б. Софисты. М., 1929.